

Новая газ. - 2000 - 6-12 марта - с. 11

— При всех теоретических возможностях, которые есть сейчас, телевидение стало примитивнее, чем было 13 лет назад, когда вы начинали «До и после полуночи». Почему?

— Когда мы вышли в эфир первый раз в ночь с 7 на 8 марта 1987 года, мы вообще были единственными. На советском телевидении больше не было ни одной программы, кроме программы «Время», которая выходила в прямой эфир. И не было ни одной программы, которая говорила бы о том, о чем говорили мы. В принципе нам было просто. Поскольку зрителю больше ничего не предлагалось, то нас смотрела вся страна. Потом мы поняли, что раз мы единственные — у нас есть шанс сказать то, что хочется сказать, то, о чем на советском телевидении никогда не говорилось. Но тогда сенсациями становились в основном исторические разоблачения. Не было грязи с банями и прочим.

— Если народу сейчас интересно это, может быть, изменился народ?

— Нет, публика не изменилась — изменилось восприятие телевидения. Нам гораздо больше в то время верили, чем верят сейчас. Когда ты видишь программу Доренко, Хинштейна или Невзорова, то понимаешь, что все они ангажированы. А зритель если и не стал умнее, то хотя бы стал больше знать о том, что происходит вокруг, и меньше верить тому, что говорят по ТВ.

— На сегодняшний день создалась ситуация, в которой кровавые истории — модная тема. Но, с другой стороны, говорить о погибших, например, в ходе чеченской кампании — значит перечить власти...

— Это же чудовищная страна — никто уже и не реагирует на кровь. Если окинуть взглядом программу передач главных каналов, то, куда бы ни посмотрел, — везде один и тот же набор трупов. И восприятие притупляется — люди просто перестают реагировать. Этой войной и бесконечной кровью на ТВ и в печати мы добились, наверное, самого страшного эффекта: количество погибших уже никого не волнует, никого, кроме, может быть, Комитета солдатских матерей и родственников погибших.

Так было при Сталине. Ценность человеческой жизни сведена к нулю.

— Вы упоминали сталинский режим. Как вы считаете, сейчас в этой стране возможна диктатура?

— В России диктатура возможна всегда. Поскольку за всю историю не было ни одного периода, когда бы мы жили при относительно нормальной демократии. В 87–91-м годах впервые вздохнули, в 91–93-м — это уже нечто другое. Потом опять был расстрел парламента. Два года вроде бы потерпели — война в Чечне. Повторю, мы никогда не жили при нормальной европейской демократии.

— Может быть, мы просто не можем так жить и для нас коммунизм был бы лучшим вариантом?

— Я буду, наверное, не оригинален, когда скажу, что «Моисей водил их 40 лет по пустыне, чтобы умер последний раб». Пока последний

родеев стал председателем ВГТРК, Женя Киселев — руководителем НТВ, Сергей Медведев занимал пост пресс-секретаря у Ельцина, Витя Кононов — у Черномырдина.

— Как вы, кстати, относитесь к профессии пресс-секретаря?

Владимир МОЛЧАНОВ:

ДИКТАТУРА В РОССИИ ВОЗМОЖНА ВСЕГДА

Когда при все еще поднятом красном флаге уже зачищались «дети перестройки», появилась гласность. Она была неприступна, потому что к ней не привыкли. Пользоваться ею никто не умел — все шупали, но никто не знал, куда нужно нажать, чтобы зазвучала истина.

Прошло время. Истину так и не нашли. Решили не искать. С гласностью поматросили и бросили.

Страна превратилась в большую корзину с грязным бельем, стилизованную под искусственного медведя.

За 13 лет «голубой экран» «намылили» и «поперчили». Стало скучно. Ответ на вопрос: «Что произошло» мы попросили дать корифея тележурналистики Владимира МОЛЧАНОВА

«раб», последний, в ком сидят коммунистические гены, в том числе и я, не вымрет, ничего принципиально нового не будет. Потому что так или иначе к власти в этой стране все равно приходят люди, связанные с прошлым. У Путина за плечами 20 лет казбэшного прошлого. У Явлинского, который мне симпатичен своей интеллигентностью и образованностью, гены все равно оттуда. Даже те, кого называют «молодыми политиками», — Кириенко, Немцов — не настолько молоды, у них все равно коммунистические корни.

— Как вы думаете, если и. о. придет к власти, на РТР как на государственном канале может установиться диктатура?

— Если власть хочет этого, то она тогда сделала неправильный выбор, назначив Олега Добродеева председателем ВГТРК. Он может быть диктатором только в области профессионализма.

Я хорошо знаю Олега. Когда я только начинал, мы работали с ним в одной комнате, он был международным редактором, а я комментатором. Вообще из той нашей комнаты вышла масса талантливых журналистов: Олег Доб-

— Отрицательно. Но это не значит, что я не люблю тех людей, которые ими являются. Просто когда ты идешь работать пресс-секретарем, ты теряешь полностью свою независимость. Когда-то мне нравился Ястржембский. Наверное, он был хорошим послом. Но когда человек вынужден сначала все время оправдываться за Ельцина, а теперь все время говорить одно, а завтра другое про Бабицкого... Думаю, он глубоко несчастный человек. Но он сам на это пошел. И теперь у него репутация первого лжеца, а это очень незавидная участь.

— Может ли вообще в этой стране существовать свобода прессы?

— Может. Но одно дело — это свобода прессы, а другое дело — ощущение вседозволенности. Тем, кто начинал новое ТВ в 87-м, было просто делать журналистскую карьеру. Наутро после очередного выпуска «Взгляда» или «До и после...» мы просыпались известными всей стране. Просто мы говорили о вещах, о которых раньше не говорилось. Поколению журналистов середины 90-х годов сделать карьеру гораздо труднее. Они

могут сделать себе имя либо на скандалах, либо на каких-то женских историях. Это уже немножко другая журналистика.

В свое время Познер сказал потрясающую фразу: «Я могу вам показывать три раза в неделю по телевидению за-

ывать людей, которые останутся и в памяти, и в истории. Про Филиппа Киркорова через 50 лет не очень-то будут помнить, не говоря об иных так называемых «героях нашего времени» — всяких губернаторах и прочих. У «Полуночи» и «Взгляда» была популяр-

ницу лошади, и эта задница будет популярна во всей стране». Это эффект телевидения — можно показывать какого-нибудь идиота два-три дня подряд, и к концу недели это будет очень рейтинговый человек.

— Это же основной принцип рекламы... Кстати, когда вы начинали работать на ТВ, ее еще не было. Может быть, это тоже один из факторов, испортивших телевидение?

— Можно сколько угодно говорить о том, испортила ли реклама ТВ или нет, но мы-то понимаем, что если ее не будет, то денег не будет тоже. Раньше не стояло таких вопросов, как сейчас, — мы все были на одинаковых зарплатах. А сейчас... Конечно, я очень завидую каналу «Культура», у которого нет рекламы, хотя до сих пор не понимаю, как он выживает.

На Западе реклама не так назойлива и не так бестактно перебивает какие-то важные программы. Ведь когда, допустим, идет «мыло», безразлично, куда ставить рекламу. Но когда «Портрет Александра Солженицына», где он рассказывает какие-то серьезные вещи, перебивается рекламой каких-нибудь «Хагис» — это чудовищно.

— Каким должно быть ТВ в идеале?

— Оно должно стать более глобальным, а не замыкаться на обсуждении чисто русских проблем и новостей. «Стирать грязное белье» можно на местных каналах, федеральные должны быть более космополитичны. Там не должно быть никакого «соответствия национальной идее» и пропаганды патриотизма. Наверное, моя точка зрения сильно расходится с мнением нашего и. о. президента.

Безусловно, ТВ не должно так принижать людей, как это происходит на наших каналах. Нужно давать надежду и показывать что-то хорошее. Мы совершенно перестали пока-

ность, потому что мы стремились показать людей, которые вынуждены были всю жизнь молчать, а мы давали им шанс появиться перед всей страной. Сейчас это происходит все реже и реже.

Кроме того, у нас же и культура есть, и художники разные, сумасшедшие, которые своими руками церкви строят. И я хочу рассказать об этом в своей новой программе «Панорама» на РТР.

— Почему вы решили уйти с RENTV на РТР?

— Потому что мне надо более активно работать. Здесь у меня есть «Панорама», в которой, правда, я сам не участвую, а только руковожу и пишу комментарии.

С RENTV меня связывает очень многое. Именно там я начал заниматься тем, что больше всего люблю — собственными документальными программами. К сожалению, у нас в отличие от Запада документальное кино практически не приносит денег. Под него невозможно подобрать рекламу. Несколько лет назад я снял фильм «Я, ты, он, она» про деревенский сумасшедший дом. Позвали рекламодателей. Они пришли — от каких-то прокладок до «Кока-колы» — посмотрели и сказали: «Вы что, с ума сошли! Как же мы дадим под это рекламу — нас же никто пить не будет».

— Это очень циничный подход.

— Телевидение вообще мир достаточно циничный. Традиционный пример — крушение самолета. Один телевизионщик говорит другому: «Смотри, какой потрясающий кадр». Нормальный человек так не скажет. Сейчас телевидение стало еще более циничным и, кроме того, безумно агрессивным. Я нигде не видел такого агрессивного ТВ, как в России.

Беседовала
Юлия САНКОВИЧ

ТЕЛЕНОВОСТИ ОТ...

...ТВ-6:

ТВ6

— Несколько неожиданная, но очень любопытная ожидается 16 марта программа «Я сама». «Русские мужчины: взгляд со стороны». Впечатлениями об особенностях загадочной русской мужской души поделится дамы иностранного происхождения: американка, канадка, немка, француженка и японка. Со стороны, как говорится, виднее.

В России принято твердить, что «русский Шерлок Холмс в исполнении Ливанова — лучший в мире, поскольку даже английская королева так считает». Может быть, это и правда, но возможность сравнить российский фильм с английским, чтобы лишний раз возгордиться, никогда не помешает. 19 марта, в воскресенье — 8-я серия английских «Приключений Шерлока Холмса» — «Медные буки».

...ТНТ:

— ТНТ запустило в эксплуатацию свою виртуальную студию. Программой, с которой все еще только начинается, стал еженедельный тележурнал «Суперхоткей». Неделя НХЛ (производство НТВ по заказу телесети ТНТ). Благодаря использованию виртуальной технологии у творческой бригады появилась масса возможностей разнообразить изобразительный ряд передачи. В каждом выпуске сюжет виртуального действия будет меняться.

ТНТ готовится к участию в пятом Межгосударственном кинофестивале «Правопорядок и общество», который с 17 по 23 апреля пройдет в Москве. На конкурс будут представлены два сериальных проекта телесети «Улицы разбитых фонарей-2» и «Агент национальной безопасности» по двум номинациям: «Игровой художественный фильм, сериал» и «Лучший образ работника правоохранительных органов».

Н.К.

...Евгения РЕВЕНКО (ведущий ночного выпуска «Вестей», РТР):

— В стране за эту неделю произошло две важные вещи. Первая — это положительная оценка тремя губернаторами предложения Владимира Путина о продлении президентского срока с четырех до семи лет. Вторая — реакция Путина на ситуацию с Андреем Бабицким. Оба эти события повлияют на результаты выборов. Понятно, что фон вокруг Путина во многом формирует именно пресса, причем не только центральная, но и региональная, влияние которой на местах не стоит ни в какой мере преуменьшать. История же с Бабицким была негативно воспринята всеми журналистами, в том числе теми, кто работает в регионах. Подобная оценка ситуации становилась довольно опасной для положения Путина. Несколько запоздало и коряво исправленная ошибка должна его стабилизировать.

Что касается телевизионного мира, мне достаточно сложно констатировать какие-то новости в силу того, что я за ними не слежу. Придя на РТР, я убедился, что здесь огромный потенциал. «Вести» выросли в профессиональном плане. Думаю, что со временем центральное телевидение сможет предлагать действительно конкурентоспособный продукт.

Личных новостей у меня практически нет. Работа без выходных. Моя личная жизнь и во время работы на НТВ тоже находилась в зачаточном состоянии, теперь же о ней вообще сложно говорить. Не вижу родителей, нигде не выхожу, ложусь спать не раньше полтретьего. Когда все наладится, тогда можно будет и о личной жизни поговорить.

А. Г.

ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ НЕДЕЛИ

Андрей Бабицкий:

— Пока я был на Северном Кавказе, моя жена Людмила записывала на видео все выпуски новостей, где говорилось обо мне. Я очень удивлен, что всех так встревожило мое исчезновение, и очень благодарен всем, кто способствовал освобождению.

Записи убедили меня в том, что и Путин, и Рушайло знали, где я нахожусь. Не случайно они так всех уверяли с экрана в том, что я

жив. Они просто раздумывали, что лучше со мной сделать: ликвидировать или продолжать дискредитировать. Но, видимо, из-за того, что пропажа журналиста вызвала такой ажиотаж, они решили выбрать самый мягкий вариант — переправить меня через Афганистан. Было сделано все, чтобы обвинить меня в сотрудничестве с боевиками.

Мнения властей очень хорошо отражал канал ОРТ. РТР, как ни странно, вело себя немного помягче. А вот НТВ и ТВЦ, как мне кажется, вели достойную кампанию в мою защиту.

У журналистов возникнут большие проблемы со свободой слова. Дальше будет хуже. Не удивлюсь даже самым радикальным поступкам руководства страны.